

РЕФОРМИРОВАНИЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД НАХДА: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ КЛАССИЧЕСКОЙ НОРМЫ К СОВРЕМЕННОСТИ

Мухлисабону Тургуновна Ишанханова

доктора философии (PhD) по филологическим наукам

Международная исламская академия Узбекистана

почта: ishankhanovamuxlisabona@gmail.com

Телефон: (+99897) 744 53 75

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19413411>

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции арабской грамматики и лингвистической мысли в эпоху Nahḍa (XIX – начало XX вв.). Автор исследует конфликт между догматическим сохранением классического наследия и необходимостью реформирования языка для нужд науки и просвещения. В работе рассматриваются причины стагнации грамматической науки в османский период, влияние европейской филологии и роль выдающихся просветителей (Бутрус аль-Бустани, Ибрахим аль-Йазиджи) в создании концепции «упрощения» (taysīr). Особое внимание уделяется переходу от нормативной к функциональной грамматике, а также когнитивному потенциалу арабского языка в формировании новых терминологических систем.

Ключевые слова. Арабская грамматика, лингвистическая реформа, классический арабский язык (fuṣḥa), функциональная грамматика, языковая идентичность, упрощение языка (taysīr).

Annotatsiya. Ushbu maqolada Nahda davri (XIX asr – XX asr boshi) arab tilshunosligi va grammatik tafakkurining evolyutsiyasi tahlil qilinadi. Muallif klassik grammatik merosni (nahv) konservativ saqlab qolishga urinishlar hamda tilni fan va ma'rifat ehtiyojlariga moslashtirish zaruriyati o'rtasidagi ziddiyatlarni tadqiq etadi. Ishda Usmonli imperiyasi davridagi grammatika fanining turg'unlik sabablari, Yevropa filologiyasining ta'siri va Butrus al-Bustoni, Ibrahim al-Yazijiy kabi yirik ma'rifatparvarlarning tilni soddalashtirish (taysir) konsepsiyasini yaratishdagi o'rni yoritilgan. Grammatikaning me'yoriy (normativ) holatdan funksional holatga o'tishi, shuningdek, arab tilining yangi terminologik tizimlarni shakllantirishdagi kognitiv salohiyatiga alohida e'tibor qaratilgan.

Kalit so'zlar. arab grammatikasi, lisoniy islohot, Ibrohim al-Yozijiy, Butrus al-Bustoni, adabiy arab tili (fuṣḥā), funksional grammatika, lisoniy identifikatsiya, tilni soddalashtirish (taysir), kognitiv modellar.

Abstract. The article analyzes the evolution of Arabic grammar and linguistic thought during the Nahḍa era (19th – early 20th centuries). The author explores

the conflict between the dogmatic preservation of the classical heritage and the urgent need for linguistic reform to serve the demands of modern science and education. The study examines the causes of grammatical stagnation during the Ottoman period, the influence of European philology, and the pivotal role of prominent enlighteners (Butrus al-Bustani, Ibrahim al-Yaziji) in developing the concept of “simplification” (taysīr). Special emphasis is placed on the transition from prescriptive to functional grammar, as well as the cognitive potential of the Arabic language in generating new terminological systems.

Keywords. Arabic grammar, linguistic reform, Classical Arabic (fuṣḥa), functional grammar, language identity, simplification (taysīr).

Эпоха Nahḍa (XIX – начало XX вв.) представляет собой уникальный этап в истории арабской филологии, когда грамматика (*naḥw*) и лингвистическая мысль столкнулись с вызовом модернизации. Этот период стал ареной столкновения двух интеллектуальных тенденций: с одной стороны, сохранения классического грамматического наследия, с другой – стремления адаптировать язык и грамматическую систему к реалиям современности¹. В арабских исследованиях в период Nahḍa ознаменовало значительный сдвиг в сторону рассмотрения арабского языка как светского языка арабской идентичности, а не исключительно как ритуального языка ислама².

К середине XIX века грамматическая наука в арабском мире находилась в состоянии догматического застоя. На землях, находившихся под властью Османской империи, официальные функции выполнял турецкий (османский) язык. Даже в Египте, который частично освободился от османского влияния, турецкий продолжал использоваться в государственной документации и официальных изданиях. Его преподавание сохранялось в египетских государственных школах вплоть до эпохи правления Аббаса I (1848–1854), а в других арабоязычных провинциях империи – вплоть до начала Первой мировой войны³.

В начале XIX века главными центрами изучения арабского языка оставались религиозные учреждения. Особое значение в этом процессе имели христианские миссионерские организации, прежде всего иезуитские, действовавшие в Сирии и занимавшиеся углублённым изучением арабского языка и культуры в рамках своей миссионерской

¹ Jandora J. W. Butrus Al-Bustānī, Arab Consciousness, and Arabic Revival / J. W. Jandora // The Muslim World. – 1984. – Vol. LXXIV, No. 2. – P. 71.

² Newman D. L. The Arabic Literary Language: the Nahda (and beyond) // The Oxford Handbook of Arabic Linguistics / edited by J. Owens. New York: Oxford University Press, 2013. P. 474 (472–494).

³ Хабруткин А. Г. История арабского языка: учебное пособие. – М.: Восточная книга, 2009. – С. 138.

деятельности. В этот период в языковой практике преобладал архаичный стиль мышления и выражения: даже официальные юридические и административные документы нередко создавались в форме рифмованной прозы⁴.

Как подчеркивает Ясир Сулейман, преподавание в медресах грамматики ограничивалось повторением комментариев и глосс к каноническим трудам ранних грамматиков Басры и Куфы – в первую очередь Сибавайхи, аз-Замахшари, Ибн Хишама и других. Эта традиция, основанная на дедуктивном подходе и метаязыковой рефлексии, полностью утратила связь с реальными языковыми процессами. Грамматические тексты использовались скорее, как показатель эрудиции и принадлежности к учёной элите, чем как инструмент живой языковой практики⁵.

В большинстве медресах грамматика преподавалась через систему заучивания (*tahfiz*), без анализа примеров из современной речи. Студенты знали многочисленные исключения и грамматические категории, но часто не могли составить простое письмо на литературном языке. Обучение арабскому языку на основе научного наследия арабской грамматики, составленного выдающимися лингвистами, затрудняло его изучение. Учение арабского языка по этим книгам было весьма нелегким занятием. Обучение ровным счетом сводилось к тренировке памяти и механическому зазубриванию арабских текстов. Свидетельством этому, может послужить слова российского муфтия Г.Баруди (1857–1921): «И если бы мой хальфа не переводил важные положения из книг «Бидан» и «Шарх Габдулла», я вообще бы ничего не освоил. Так что эти довольно-таки пригодные переводы моего хальфы были полезны»⁶. Г. Баруди также вспоминал: «При изучении арабских правил из «al-'Awāmil al-mi'a»⁷ трудности уроков стали ощутимее: 5-10 строк этих правил с развернутыми примерами заставляли учить наизусть. Эти занятия отнимали мои силы и желание учиться. На

⁴ Hourani Albert. *Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939*. London / Oxford / New York: Oxford University Press for the Royal Institute of International Affairs, 1962 p. 58.

⁵ **Suleiman Yasir**. *The Arabic Language and National Identity: A Study in Ideology*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. – P. 46.

⁶ А.Фаттахова. Учебники арабского языка татарских авторов конца XIX – нач. XX вв. В книжных хранилищах Казани./ *Minbar. Islamic Studies*. 4(1). 2011. С. 29.

⁷ 'Awāmil al-mi'a» (Сто управляющих факторов) представителя багдадской школы 'Абд ал-Кахир ал-Джурджани.

изучение книги, которую можно одолеть за один месяц, в крайнем случае, за два, я потерял 7-8 месяцев своей жизни»⁸.

Конец XIX века ознаменовался началом политики принудительной языковой европеизации. Под предлогом нехватки арабоязычных учебных материалов и якобы ограниченных возможностей арабского языка для передачи современных научных и технических знаний преподавание постепенно переводилось на английский и французский языки. Кульминацией этого процесса стало его институциональное закрепление: в 1889 году британские колониальные власти в Египте утвердили английский язык в качестве основного средства обучения во всех государственных учебных заведениях, включая вузы – медицинские, сельскохозяйственные и педагогические институты⁹.

В Новое время в арабском мире прослеживалась тенденция к сокращению роли классического арабского языка в системе образования, что, как неоднократно отмечалось, привело к замедлению темпов научного и литературного развития. Одним из немногих учебных заведений Египта того периода, где продолжали преподавать арабский язык и древнюю литературу, оставался «Dār al-'ulūm» («Дворец знаний»)¹⁰.

Под влиянием внешних факторов и под воздействием отдельных представителей арабской общественной мысли возникла гипотеза, согласно которой именно литературный арабский язык препятствует научному и культурному прогрессу региона. В качестве альтернативы предлагалось заменить его живым, разговорным диалектом, более понятным широким слоям населения. Так, сирийский писатель Искандар Ма'луф высказывался за внедрение английского языка в египетские учебные заведения и предлагал постепенно повысить статус разговорного диалекта до уровня литературного: сначала внедрить его в журналистику, а затем – в научную и художественную литературу, что, по его мнению, должно было сделать знания и культуру более доступными для общества¹¹.

Стремление реформаторов адаптировать язык к современным реалиям отражает когнитивную идею: **язык формирует мышление**, и модернизация грамматики позволяет сообществу эффективно осваивать новые знания и интегрировать их в ментальные модели. Контакт с

⁸ А. Фаттахова. Учебные пособия по арабскому языку и их роль в формировании татарской грамматической теории./ Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань. 2011. С.12.

⁹ Хайрутдинов А. Г. *История арабского языка: учебное пособие*. – М.: Восточная книга, 2009. – С. 142–143.

¹⁰ Хайрутдинов А. Г. *История арабского языка: учебное пособие*. – М.: Восточная книга, 2009. – С. 143.

¹¹ Owens, Jonathan. *A Linguistic History of Arabic*. Oxford University Press, 2006. – Pp. 290–293.

европейской филологией стимулировал формирование новых когнитивных схем, которые делали арабский язык способным описывать современные научные и технические реалии.

Однако практическая литературная практика не подтвердила тезис о большей функциональной пригодности диалекта для выражения современных реалий, взаимодействия с широкой аудиторией и распространения научных знаний. Использование разговорных форм языка в художественной сфере, например, в переводах произведений Лафонтена и Мольера, выполненных Мухаммадом Усманом Джалалем на египетский диалект, оказалось ограниченным преимущественно драматическим жанром. Более широкое, но несистемное применение диалекта наблюдалось в юмористической прессе, подписях к карикатурам, фольклорных публикациях, а также как стилистическое средство в диалогах художественной прозы.

Более того, в современной арабистике широко распространена традиционно-теологическая концепция, согласно которой устойчивость и возрождение литературного арабского языка связаны с его сакральным статусом – языком Корана. Благодаря постоянному обращению к священному тексту и стремлению к его пониманию, миллионы носителей различных арабских диалектов сохраняли живую связь с литературной нормой. В то же время народное творчество продолжало существовать преимущественно в рамках местных диалектов. Однако различия между литературной и разговорной формами языка не становились непреодолимым препятствием для общения, что подтверждается публикацией в журнале «Al-Ṭaqāfa al-waṭaniyya» («Отечественная культура») за 1959 год: «Хотя люди сегодня и не говорят на литературном арабском языке, они способны его понимать, даже если не обладают письменной грамотностью»¹².

Таким образом, литературный арабский язык, несмотря на объективные трудности его восприятия среди широких народных масс, никогда не рассматривался как нечто внешнее или чуждое. Он сохранял престиж высшей языковой формы и символ культурного единства. Поэтому в эпоху политического и духовного пробуждения арабского мира, даже при сохранении зависимости от иностранных держав, вопрос о создании новой литературной нормы не вставал – она уже была внутренне закреплена в коллективном сознании общества. В свою очередь, совершенствование

¹² Хайрутдинов А. Т. *История арабского языка: учебное пособие*. – М.: Восточная книга, 2009. – С. 139.

литературного арабского языка и его адаптация к потребностям нового времени стали осознанной и насущной необходимостью.

К XIX веку в арабском языкознании научная критика была сосредоточена преимущественно на трёх ключевых направлениях: состоянии арабского языка, сложности его грамматической системы и вопросе её упрощения. Идея упрощения арабского языка (*taysir al-luġa*, буквально – «облегчение [изучения и использования] языка»), а в более узком смысле – упрощения арабской грамматики (*taysir al-naḥw*), нередко в сочетании с призывами к реформированию и упрощению арабского письма (*taysir al-kitāba*), стала одной из центральных целей арабского реформаторского движения, начиная с последней трети XIX века¹³. По мнению Бутруса аль-Бустани, под упрощением арабского языка не предполагалось **вульгарное упрощение** литературного арабского языка в народном духе, а имелось в виду **только тактичное и осторожное его упрощение**, которое позволило бы арабскому литературному языку не отталкивать читателя и писателя своей сложностью. Такое умеренное реформирование призвано было сделать язык более удобным и гибким средством современного мышления, лишив современных арабов основания отдавать предпочтение какому-либо европейскому языку при научном общении¹⁴.

Относительно состояния арабского языка в XIX веке Ибрахима аль-Йазиджи (1847–1906) в своей статье «Язык и эпоха» (1897) выдвинул тезис о том, что отставание арабского языка является следствием неблагоприятных исторических обстоятельств, утраты культурной преемственности и разрыва связи с мировым прогрессом. аль-Йазиджи писал: «Если бы носители этого языка смогли сохранить непрерывность культурной традиции и развивать её в унисон с научным прогрессом, язык находился бы в согласии с духом современности»¹⁵.

Более того, мыслитель выражал глубокую обеспокоенность состоянием арабского языка, подчеркивая его несоответствие насущным потребностям общества. Он отмечал, что словари не успевают за запросами писателей, а сам процесс письма становится затруднительным и обременительным. аль-Йазиджи критиковал современное положение дел, указывая, что стремительное развитие цивилизации и появление новых

¹³ Drozdík, Ladislav. Simplified Arabic or Bilingualism? Academic Discourse Confronted with Literary Evidence // *Asian and African Studies*. Vol. 77, no. 2, 2008. – P. 224.

¹⁴ Крымский А. Е. История новой арабской литературы. – Москва: Наука, 1971. – С. 455.

¹⁵ ساياب عيسى ميخائيل، التليخ ابراهيم اليازجي، القاهرة: دار المعارف، 1980. سلسلة نوابغ الفكر العربي 81-الجزء

POLAND

CURRENT APPROACHES AND NEW RESEARCH IN MODERN SCIENCES

International scientific-online conference

POLAND

понятий делают язык всё более ограниченным и ставят его под угрозу забвения. По его словам, настала настоятельная необходимость его обновления. Парадокс, по наблюдению автора, заключается в том, что язык, некогда считавшийся богатейшим и наиболее выразительным, оказался неспособен описывать даже простые явления современной действительности, не говоря уже о сложных и абстрактных категориях¹⁶.

Продолжая развивать мысль о лексической ограниченности современного арабского языка, Ибрагим аль-Йазиджи утверждал, что он утратил даже элементарные средства для описания предметов повседневного быта, мебели и украшений. В результате, по его словам, носитель языка оказывается в положении человека, неспособного выразить свои мысли – ему приходится прибегать к жестам и намёкам, словно немому существу. Эта яркая метафора символизировала глубокий кризис арабского языка¹⁷.

Аль-Йазиджи использовал выразительный риторический приём, предлагая мысленно представить, как арабоязычный человек оказался бы на современной научной или промышленной выставке. Он задавался вопросом: каким образом можно было бы описать множество новых и сложных объектов, машин, изобретений, научных открытий и технических терминов, появившихся в современную эпоху? Подобное рассуждение подчёркивало, что язык оказался не готов к реалиям стремительно развивающейся цивилизации и нуждается в серьёзном обновлении, чтобы соответствовать её требованиям¹⁸.

Проблематика аль-Йазиджи перекликается с когнитивной лингвистикой: недостаточность языковых средств мешает **структурированию новых концептов в сознании**. Его практика выбора и уточнения терминов можно рассматривать как создание **КОГНИТИВНЫХ схем для отражения новых явлений**, что делает язык инструментом познания, а не просто каноном.

В практическом плане Ибрагим аль-Йазиджи стремился доказать, что литературный арабский язык способен выполнять функции современного средства научной и интеллектуальной коммуникации. Для этого он применял метод целенаправленного отбора терминов из арабской лексики, при необходимости вводил заимствования из других языков и

¹⁶ سابا، عيسى ميخائيل. الشيخ إبراهيم اليازجي. (1847–1906) القاهرة: دار المعارف، 1980. سلسلة نوابغ الفكر العربي 82–81. ص.
¹⁷ سابا، عيسى ميخائيل. الشيخ إبراهيم اليازجي. (1847–1906) القاهرة: دار المعارف، 1980. سلسلة نوابغ الفكر العربي 82–ص.
¹⁸ سابا، عيسى ميخائيل. الشيخ إبراهيم اليازجي. (1847–1906) القاهرة: دار المعارف، 1980. سلسلة نوابغ الفكر العربي. 83–ص.

POLAND

CURRENT APPROACHES AND NEW RESEARCH IN MODERN SCIENCES

International scientific-online conference

POLAND

последовательно стремился устранить многозначность, добиваясь предельной точности и прозрачности выражения¹⁹.

Подводя итоги своим наблюдениям, аль-Йазиджи делал критический вывод: несмотря на исключительное богатство арабского языка в обозначении традиционных реалий – таких как мёд, вино, лев, меч, верблюд, для которых существует множество синонимов, – этот язык оказывается беспомощным при описании современных изобретений, технических устройств и научных понятий. Он с иронией отмечал, что словари, переполненные архаичными лексическими дублетами, в действительности оставили язык без средств для выражения смыслов новой эпохи. Таким образом, аль-Йазиджи подвергал критике дисбаланс лексической системы, вследствие которого арабский язык утратил функциональную гибкость и перестал отвечать потребностям современного общества²⁰.

Аль-Йазиджи стремится опровергнуть распространённое заблуждение, согласно которому неспособность арабского языка адекватно описывать современную действительность является следствием его «старости» или «исторической изношенности». Он подчёркивает, что подлинное «старение» языка проявляется не в его древности, а в утрате способности сохранять существующие слова и создавать новые для выражения новых идей и понятий. Следовательно, кризис языка, по мнению аль-Йазиджи, не является естественным и необратимым процессом – напротив, он может быть преодолен при должном внимании и развитии²¹.

Аль-Йазиджи выносит предупреждение: если существующие недостатки арабского языка не будут преодолены, он рискует оказаться заброшенным, вытесненным другими языками и в конечном счёте утратить свою самобытность. Однако аль-Йазиджи настойчиво подчёркивает, что источник кризиса кроется не в самом языке – по своей природе он остаётся гибким, выразительным и богатым, – а в его носителях, то есть в народах, которые, отстав от современного научного и культурного развития, перестали использовать язык как инструмент прогресса. Главная мысль мыслителя заключается в том, что язык не виноват и не «устарел»; ответственность лежит на обществе, утратившем способность развивать его в соответствии с требованиями времени.

¹⁹ ع سابا، عيسى ميخائيل. الشيخ إبراهيم اليازجي. (1847–1906) القاهرة: دار المعارف، 1980. سلسلة نوابغ الفكر العربي. – 84 ص.

²⁰ سابا، عيسى ميخائيل. الشيخ إبراهيم اليازجي. (1847–1906) القاهرة: دار المعارف، 1980. سلسلة نوابغ الفكر العربي. – 85 ص.

²¹ سابا، عيسى ميخائيل. الشيخ إبراهيم اليازجي. (1847–1906) القاهرة: دار المعارف، 1980. سلسلة نوابغ الفكر العربي. المعارف، – 86 ص.

В подтверждение своей позиции аль-Йазиджи обращается к историческому опыту. Он напоминает, что в эпоху расцвета Аббасидского халифата арабы активно развивали науку и культуру, используя арабский язык как универсальное средство передачи знаний. Именно на нём они успешно усваивали и перерабатывали достижения персов, греков и других народов, не прибегая к масштабным заимствованиям. Новые понятия и термины создавались с опорой на внутренние ресурсы языка, что свидетельствовало о его исключительной гибкости и творческом потенциале. Таким образом, автор делает вывод: кризис арабского языка – не следствие его природы, а результат исторического застоя самих носителей, которые прервали естественное развитие своей языковой и культурной традиции²².

Параллельно с этими процессами одной из приоритетных задач арабской интеллигенции стало утверждение национального языка в качестве основы социокультурного развития. Бутрус аль-Бустани (1819–1883), основавший в 1863 году первую национальную школу в Бейруте, подчёркивал, что «возрождение родного языка» является необходимым условием общественного прогресса, рассматривая его как неотъемлемый элемент национальной идентичности и самосознания. Ведь уже в XIX веке даже в арабском мире многие осознавали, что роль классического арабского языка как объединяющего фактора арабского мира оказывается под угрозой из-за усиливающегося внимания к местным диалектам, воспринимавшимся как символы культурной и политической фрагментации. Эти опасения не были беспочвенными: колониальные власти, как известно, нередко сознательно поощряли использование разговорных форм. Так, во времена французского господства в Алжире преподавание классического арабского языка на определённый период было запрещено и заменено обучением на алжирском диалекте. В Египте же британская администрация поддерживала эксперименты востоковедов, предлагавших использовать латинскую графику для записи египетского диалекта как альтернативу традиционному арабскому письму²³.

Однако в этот период остро встал вопрос, касающийся преподавания литературного арабского языка (*fushḥa*), в условиях, когда разговорные диалекты доминировали в повседневном общении. По словам Бутруса ал-Бустани в его публичной лекции 15 февраля 1859 г. па тему: «Современное

²² سنانا، عيسى -خانييل. الشيخ إبراهيم اليازجي. القاهرة: دار المعارف، 1980. سلسلة نوابغ الفكر العربي. -87 ص.
²³ Versteegh Kees. The Arabic Language. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. – P.174.

состояние науки и литературы у арабов». в Бейруте около 1830 г. можно было обегать целую улицу и лишь с трудом отыскать грамотного человека, грамотного хотя бы на столько, чтобы прочитать написанное и подписать свое имя²⁴. Стало очевидно, что использование классических трудов и грамматических текстов, отличающихся сложностью изложения и спекулятивной методологией с целью поднятия уровня грамотности среди населения, вряд ли привело бы к желаемым результатам в распространении *fusha*. Вследствие этого возникла насущная необходимость в разработке современных учебных программ и создании упрощенных учебных пособий, представляющих арабский язык в доступной и легко усваиваемой форме. Труды по грамматике легли за основу для постепенного отхода от схоластической методологии в пользу прагматического анализа.

Современные арабисты рассматривают этот период как начало “перехода от нормативной к функциональной грамматике”. В этот момент язык перестаёт восприниматься только как сакральное наследие, и начинает пониматься как социальный инструмент. Такое переосмысление отражает идеи, близкие к когнитивной лингвистике: грамматика понимается не просто как набор правил, а как средство формирования ментальных моделей, структурирования знаний и организации мыслей. Реформаторы Nahḍa стремились к тому, чтобы арабский язык был понятен и функционален, а не только формально корректен.

Так, в области грамматики предложения Бутруса аль-Бустани в основном касались необходимости создания новых, упрощённых учебных грамматик, которые помогли бы носителям правильно использовать язык – как в устной, так и в письменной форме. Его интерес к **коммуникативной функциональности грамматики** проявился и в речи перед выпускниками Патриаршей школы в Бейруте в 1890 году. Он призвал их соотносить изучение грамматики со своими **коммуникативными потребностями**, чтобы чрезмерное внимание к грамматике не отвлекало их от активного использования языка как **инструмента научной и культурной модернизации**²⁵.

Одним из ключевых факторов трансформации арабской грамматики в эпоху Nahḍa стало знакомство с европейской филологической традицией. Благодаря миссионерским школам в Бейруте и Каире, арабские учёные

²⁴ Крымский А. Е. История новой арабской литературы. – Москва: Наука, 1971. – С. 246.

²⁵ Yasir Suliman, *The Arabic Language and National Identity: A Study in Ideology*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. – P. 97-99.

получили доступ к трудам европейских грамматистов – прежде всего французских и немецких. Это привело к формированию нового подхода к описанию арабской грамматики, в котором упор делался на практическое применение правил в речи и письме, а не на их схоластическую интерпретацию. Реформирование арабской грамматики сопровождалось трансформацией учебных программ²⁶. В Египте при Мухаммеде Али и его преемниках грамматика стала частью светского образования, а не исключительно религиозной дисциплины²⁷.

Таким образом, реформаторское движение эпохи Нахда (XIX – начало XX вв.) стало поворотным моментом в истории арабской лингвистики, ознаменовав переход от схоластического застоя к функциональной модернизации. Благодаря деятельности таких просветителей, как Бутрус аль-Бустани и Ибрагим аль-Йазиджи, классическая грамматика (naḥw) трансформировалась из сакрального догмата в гибкий инструмент национального возрождения, способный описывать современные научные и технические реалии. Этот период доказал, что жизнеспособность литературного языка (fuṣḥā) кроется не в его неизменности, а в создании новых когнитивных схем и упрощении учебных методов (taysīr), что позволило арабскому языку сохранить статус фундаментального фактора идентичности в условиях глобальных цивилизационных перемен.

Список использованной литературы:

1. Drozdík L. Simplified Arabic or Bilingualism? Academic Discourse Confronted with Literary Evidence // Asian and African Studies. – 2008. – Vol. 77, No. 2. – 224 p.
2. Ghany N. A. Contemporary Initial Teacher Training Reforms in Egypt: A Comparative and Historical Perspective. – University of Sheffield, 2003. – P. 157–161.
3. Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939. – London; Oxford; New York: Oxford University Press, 1962. – 580 p.

²⁶ См.: *От религиозного реформаторства к европеизации культуры мусульман*. – М.: Государственный институт искусствознания, 2016. – С. 202. (– 376 с.); Пончаева Х.Д. Развитие системы образования в Египте в XIX – начале XX в. Автореф. диссертации на соиск. степени канд. ист. наук. СПб.: СанктПетербургский государственный университет, 2004. С. 66, 91. См.: URL: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-sistemy-obrazovaniya-v-egipte-vxix-nachale-xx-v.07.10.2025>); Казарян Х.Г. Школьная реформа в Египта в первой половине XIX в. // Вестник общественных наук. Ереван: АН АрмССР, 1989. С. 25–39. (См. также: URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2F1raber.asj-oa.am%2F3856%2F1%2F1989-9%2825%29.pdf&name=1989-9%2825%29.pdf&l%20ang=ru&c=5662f5591c86&page>. Дата обращения: 12.11.2024).

²⁷ Ghany, Nisreen Abdul. Contemporary Initial Teacher Training Reforms in Egypt: A Comparative and Historical Perspective / A Thesis Submitted to the University of Sheffield for the Degree of Doctor of Philosophy. University of Sheffield: School of Education, 2003.– P.157–161.

POLAND

CURRENT APPROACHES AND NEW RESEARCH IN MODERN SCIENCES

International scientific-online conference

POLAND

4. Jandora J. W. Butrus Al-Bustānī, Arab Consciousness, and Arabic Revival // The Muslim World. – 1984. – Vol. 74, No. 2. – P. 71-81.
5. Newman D. L. The Arabic Literary Language: the Nahda (and beyond) // The Oxford Handbook of Arabic Linguistics / ed. J. Owens. – New York: Oxford University Press, 2013. – P. 472–494.
6. Owens J. A Linguistic History of Arabic. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 300 p.
7. Suleiman Y. The Arabic Language and National Identity: A Study in Ideology. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. – 200 p.
8. Versteegh K. The Arabic Language. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. – 174 p.
9. Фаттахова А. Учебники арабского языка татарских авторов конца XIX – начала XX вв. в книжных хранилищах Казани // Minbar. Islamic Studies. – 2011. – Т. 4, № 1. – С. 29-37.
10. Фаттахова А. Учебные пособия по арабскому языку и их роль в формировании татарской грамматической теории: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 31 с.
11. Крымский А. Е. История новой арабской литературы. – М.: Наука, 1971. – 700 с.
12. От религиозного реформаторства к европеизации культуры мусульман. – М.: Государственный институт искусствознания, 2016. – 202 с.
13. Пончаева Х. Д. Развитие системы образования в Египте в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004. – 160 с.
14. Казарян Х. Г. Школьная реформа в Египте в первой половине XIX в. // Вестник общественных наук. – Ереван, 1989. – С. 25–39.
15. Хайрутдинов А. Г. История арабского языка. – М.: Восточная книга, 2009. – 200 с.
16. 1980. سابا، عيسى ميخائيل. الشيخ إبراهيم اليازجي (1847-1906). القاهرة: دار المعارف، 1980. ص. 150.